

УДК 821.161.1

АНАКРЕОНТИКА А. КОБЕНКОВА¹**Т.Ю. Климова (Иркутск, Россия)****Аннотация**

Постановка проблемы. Актуальность статьи диктуется, во-первых, необходимостью проследить линию традиции в восприятии античных этико-эстетических ценностей в сознании поэта рубежа XX–XXI вв. Во-вторых, кобенковская поэтика и сложная система репрезентации авторского «я» противоречат репутации анакреонтики как «легковесной» развлекательной поэзии. В-третьих, стихотворения А. Кобенкова рекомендованы для изучения в региональных программах по литературе, что делает его творчество востребованным для широкого круга читателей. Отсутствие литературоведческих исследований поэтического наследия А.И. Кобенкова определяет аспект новизны предлагаемой публикации.

Цель статьи – рассмотреть восприимчивость к анакреонтическому гедонизму и античной гармонии в целом лирического сознания А. Кобенкова, за которым закрепилась репутация «грустного» поэта, а также выявить особенности его поэтического языка.

Материалом статьи выбраны стихотворения сборника «Строка, уставшая от странствий...».

Методология исследования. Для анализа цикла предпочтительной оказалась методология системного анализа, предложенная И. Пригожиным и В.И. Тюпой, а в отдельных моментах акцентирован жанровый, мотивный и феноменологический подходы к исследованию художественного текста.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретические аспекты анакреонтики были рассмотрены в трудах по истории античной литературы Г.А. Гуковского, в словарных статьях Е.М. Пульхритудовой и И.В. Шталь.

Результаты исследования. Анализ цикла показал, что гедонизм и эстетизм у поэта оспорены ощущением хрупкости гармонии и краткости жизни. Анакреонтические мотивы обеспечивают поэту короткую передышку перед вступлением в завершающую экзистенциальную стадию жизни, меняющую темы мысли, эмоции. Лирическое сознание поэта в анакреонтике набирается сил для привычного существования в трагическом мире.

Ключевые слова: Анатолий Кобенков, «Записки натуралиста», анакреонтика, гармония, гедонизм, легкая поэзия, двухголосие.

Постановка проблемы. Анакреонтизм (анакреонтика) – понятие, осевшее в сознании мировой культуры со времен расцвета Древней Греции и носящее на себе отсвет эллинистического понимания гармонии, где эстетические впечатления и телесные наслаждения дополняли друг друга и служили выражением витального духа эпохи. Первоначальная аттестация Анакреонта

¹ Анатолий Кобенков – известный далеко за пределами Иркутска поэт и журналист, основатель альманахов «Зеленая лампа» и «Иркутское время», автор 12 поэтических сборников и сборника литературных эссе. С Приангарьем его судьба была связана 1973 по 2005 г. Гражданин мира, Кобенков в сибирском топосе сыграл роль декабриста-просветителя. 9 марта 2024 г. поэту А. Кобенкову исполнилось бы 76 лет.

как «классика любовной, эротической поэзии» [Гиленсон, 2001, с. 143] и даже «символа игрового, изящного веселого эротизма» (А. Ф. Лосев) [Цит. по: История греческой литературы, 1946, с. 143] вышла из узких рамок исключительно эротической и застольной тематики, поскольку позднее за анакреонтикой закрепилась репутация «легкой жизнерадостной лирики», которая после смерти поэта была унаследована европейской литературой Ренессанса и Просвещения и оказала заметное влияние на поэзию вагантов-голиардов, П. Ронсара, В. Шекспира, Р. Бернса, П. Беранже. Вместе с тем в 1970-е гг. популярность анакреонтики уже стала нуждаться в оправдании: И.В. Шталь подчеркивала, что «радостно-спокойное светлое мировосприятие» Анакреонта не имеет ничего общего с беспечной легкостью и нарочитой бездумностью литературы упадка» [Шталь, 1974, с. 15], а Б.А. Гиленсон настаивал на том, что Анакреонт не был просто легкомысленным поэтом [Гиленсон, 2001, с. 144], иначе он не смог бы оставить заметного следа в мировой поэзии. Это тем более очевидно, что в отечественной поэзии анакреонтические стихи писали такие серьезные представители искусства поэзии, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков, В.В. Капнист и А.С. Пушкин.

Параллельно с анакреонтикой литературоведческие источники фиксируют также термин «легкая поэзия», соотнося его с французской поэтической традицией конца XVIII – начала XIX в. В русской лирике в ряду корифеев «легкой поэзии» названы И.Ф. Богданович с его «игровой и трогательной историей любви Амура и Психеи» в «Душеньке», К.Н. Батюшков и вновь А.С. Пушкин. В статье Е.М. Пульхритудовой в качестве заслуг легкой поэзии перед словесностью акцентирована ее роль в освобождении литературного языка от «архаизмов и напыщенного многословия» [Пульхритудова, 1987, с. 177]. Очевидно, в этих словарных определениях речь идет о той же анакреонтике, но с учетом коррекции отношения к феномену «легкости». В новом понимании анакреонтика и «легкая поэзия» утратили репутацию *bagatelle* и получили идеальное выражение в словосочетании «изящная словесность» с ее чуткостью к совершенному – форме, звучанию, образному строю. Набор мотивов, соответствующих гедонистической установке анакреонтической лирики, – «земные радости, вино, любовь, – реже политическое свободомыслие» [Анакреонтическая поэзия..., 1987, с. 23] – органичен для лирического сознания как такового, поскольку в мировосприятии приоритетны душа, зрачок и особый слух, а сама лирика есть «объяснение в поэтической любви» (Н. Глазков).

Цель статьи – выяснить, какие ценности анакреонтики актуальны для поэзии негалантного века и какое место они занимают в мироощущении и словаре поэта А. Кобенкова, где концепты печали, грусти встречаются чаще, чем восклицательный знак.

Материалом статьи явились стихотворения сборника «Строка, уставшая от странствий...», и в частности цикл «Записки натуралиста», в котором ориентация на античную традицию вербализована отсылкой к имени Анакреонта и поддерживается общей атмосферой цикла.

Методология исследования. Для анализа цикла предпочтительной оказалась методология системного анализа, предложенная И. Пригожиным и В.И. Тюпой, а в отдельных моментах акцентирован жанровый, мотивный и феноменологический подходы к исследованию художественного текста.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретические аспекты анакреонтики были рассмотрены в трудах по истории античной литературы Г.А. Гуковского [Гуковский, 2001], в словарных статьях Е.М. Пульхритудова [см. Пульхритудова, 1987, с. 177] и И.В. Шталь [Шталь, 1974, с. 15]. Метрический диапазон анакреонтики и античную просодию изучали К.Ю. Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский, 2019], М.Л. West [West, 1986]. «Запискам» как жанру посвящена статья монографии «Поэтика незавершенного» [Феномен незавершенного, 2019]. А по творчеству А. Кобенкова в «Сибирских огнях» опубликовано несколько историко-биографических статей, которые не имеют прямого отношения к заявленной проблематике.

Результаты исследования. По складу души А. Кобенков – поэт негромкий: тишина в его стихе ощущается как музыка и обязательное условие гармоничной жизни («Ни реки, ни птицы, ни волки...», «Лист легко и торжественно...», «Бабушка очки искала тихо...» и т.д.). Музей Кобенкова, как его мыслил автор, – *самый тихий на свете музей* («До чего же я жил бестолково...») [Кобенков, 2003, с. 56]². Поэт намеренно уходит от монументальных тем, идеологии и гражданского пафоса – всего того, что делает поэзию рупором эпохи, и уже этим близок Анакреонту, предпочитавшему любовные «доблести» воинским. Место А. Кобенкова в том русле отечественной традиции, где формировалась тихая, онтологическая, медитативная лирика. Поэт откровенно предпочитает Сократу думающему Орфея поющего. Разгульно-веселых вакхических или неоидиосийских эмоций поэту хватало в жизни: *и такое вытворял с собой / что писать об этом некрасиво* («Письмо, которое не будет отправлено») [с. 58], поэтому у него *вакхичен... орфеен и земляничен* любой человек «лучающийся», а не горящий («Из наставлений Варваре») [с. 410–411]. Безусловно, лирическому герою Кобенкова привычно выпить с дворником «Столичной», но не от тяги к буйному веселью, а от грусти («Стихи про осень и про дворника») или *за Пушкина, / за старый сад, за Анну Керн* («Тетрадь из Михайловского») [с. 32], а рюмка у поэта – не сосуд для обильных возлияний, а повод для метафорических сближений. Так появляются «пушистые рюмки волнушек» [с. 36] с розовой росой и «рюмка тишины» [с. 120].

Сборник «Строка, уставшая от странствий...» (2003) стал и поводом для выделения анакреонтических мотивов и объяснением причин их появления. В «Истории греческой литературы» под редакцией С.И. Соболевского сообщается, что Анакреонт как поэт странствующий не был привязан к какой-либо конкретной местности. Уставшая от странствий душа поэта Кобенкова запросила отдохновения. Как известно, *болящий дух врачует песнопенье...* (Е. Баратынский),

² Далее поэтические тексты из сборника А. Кобенкова «Строка, уставшая от странствий...» цитируются по этому изданию, в скобках указывается только страница.

и в связи с этим анакреонтика Кобенкова дает повод рассмотреть *Все, что надобно, – / под рукой, / рядышком, / при душе...* («Спасибо лесу...») [с. 187].

Структура цикла. Цикл «Записки натуралиста»³ состоит из предисловия и 8 стихотворений. Выбранный автором жанровый код «записок» не характерен для поэзии в целом и для творчества А. Кобенкова, не имеет жанровой памяти и скорее соответствует задачам мемуаристики. Фиксация индивидуального поэтического опыта в форме «записок» обеспечивает интимность переживаний в непубличном слове, «фрагментарность, персонализированность и процессуальность» [Савкина, 2013, с. 338].

Поэтическое слово, напротив, предназначено для публичного существования, тщательно отбирается и проверяется на совместимость с окружением. На этом контрасте и построены «Записки натуралиста».

Восемь озаглавленных мгновений жизни оживают в памяти по закону ассоциаций, а не логики, поэтому читать их можно в любой очередности. Заключающее цикл стихотворение под названием «Последняя страница» не содержит в себе ничего итогового ни по смыслу, ни по интонации. Речь прервалась не по причине исчерпанности темы, а из-за внезапной смерти ее носителя. Правда, сила поэтической инерции выносит поэта еще к одному крохотному циклу – «Капельки жизни. Записки незнакомца», который в сборнике «Строка, уставшая от странствий...» следует сразу после «Записок натуралиста».

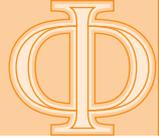
Как представляется, выбор «записок» обусловлен импульсом к поиску новых способов репрезентации «я», не сумевшего с годами склониться к «суровой прозе»: *поздно / менять друзей, переходить на прозу / и превращать ладони в кулаки («К музе с кузнечиком»)* [с. 175]. В данном случае речь идет о выборе маски, опосредующей авторское слово. В предисловии к циклу задача авторского самораскрытия доверена некоему Константину Ивановичу Земнухову, бухгалтеру на пенсии, соседу по дому, по балкону и, главное, по стихам. Прозаическая часть служит метадискурсом, поясняющим содержание цикла, но существует автономно от него.

Полный набор участников коммуникации: сосед-публикатор, имплицитный автор, который в завершающем стихотворении цикла становится эксплицитным, обретая имя поэта Кобенкова, – знаком по пушкинским «Повестям Белкина». Реконструирована и сама ситуация: Земнухов после смерти завещал стихи соседу Кобенкову.

Выбор профессии Земнухова столь же значим, как тематика и атмосфера цикла: для поэта бухгалтерия – занятие, полярное творчеству, – конкретное и непоэтическое, как для обывателей поэт – воплощение праздной жизни, поэтому бухгалтер и поэт изначально заявлены как оппоненты.

Записки, названные «странными, несовершенными», для публикатора представляют «не научный, а человеческий интерес» [с. 115] и обеспечивают циклу двухголосость. Несовпадение точек зрения Земнухова и Кобенкова намечается

³ Впервые цикл был опубликован в сборнике «Я однажды лежал на зеленой траве» (1981).

наконец, поэту Кобенкову, кому *и с музами невесело живется, / и с прочими, / и очень не поется...* [с. 126], жизненно необходима «рюмка тишины», персональная Аркадия с ее завсегдатаями – жуками, бабочками, кузнечиками, сверчками и цикадами... Пространство в цикле безлюдно, память позволяет впустить туда только избранных.

В первых двух стихотворениях цикла аранжируется музыкальная партитура райских куц – их аура, эфир. Так, песня жука создается в стихотворении 19-кратным дублированием фонемы [ж]. Это заставляет натуралиста размышлять о природе звука, который в его понимании рожден сопротивлением воздуха крыльям жука: «воздух возражает» их чужеродной тяжеловесности. Благодаря метафорической инверсии (у Кобенкова физические усилия совершает не жук, а эфир), воздух демонстрирует свою свободную волю.

Образ эфира во втором стихотворении по контрасту воссоздается беззвучным дрожанием крылышек репейницы – *воздушных, / напудренных, беспечных, непослушных / ветрам и расстояньям, и перу* [с. 116]. Невесомость крыльев репейницы служит метафорой поэзии и звучит в унисон с ее трактовкой в Античности: «Поэт – это существо легкое, крылатое и священное» (Платон. Ion 534b) [Цит. по: Лосев, 2000, с. 486].

Шифр метаморфозы – перо поэта, бывшее крылатым в пору, когда оно было еще птицей. Сама легкость репейницы – желаемая форма стиха. Рядом с бабочкой перо поэта ощущает свою неповоротливость. Бессильный исправить это, лирический субъект переходит с репейницей на «вы».

Хронотоп в стихотворении «Цикада» достраивает идиллические фрагменты цикла до целостной концепции мира. В посредники здесь призван общепризнанный эксперт *Paradiso* и *Inferno*, «стратег превращений и скрещиваний» [Мандельштам, 1987, с. 108] – Данте. На эмоционально-психологическом уровне один из полюсов мира воспроизводит картину Рая:

*А на холмах,
с кузнечиком играя,
овечка травкой набивала рот.
И Дант подумал:
«Это будет Раем», –
и обмакнул в чернильницу перо... [с. 121].*

Ад, соответственно, формируется вычитанием всего, что образует Рай: вместе с дневным светом уходят из кадра овечка, холмы, смолкает кузнечик. И только лукавая цикада продолжает воспевать тюрьму ночи, как только что воспевала день. Этого предательства и не выносит Данте. О. Мандельштам в «Разговоре о Данте» уподобил цикаду цитате: «Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» [Мандельштам, 1987, с. 113]. Двойственная природа цикады подчеркнута и в словарях символов, где она означает циклическую

периодичность света и тьмы» [Купер, 1995, с. 365], а также является эмблемой чудовища Тифона. Муки и страдания Ада, таким образом, спрятаны в глубину культурного подтекста: здесь душа задыхается от тяжести фальшивой песни:

*Все, что осталось, – песенка цикады
о том, что лето, что тюрьма светла...*

И Дант подумал:

*«Это будет Адам», –
страницы Рая сбросив со стола... [с. 122].*

Свойственная анакреонтике легкость содержания, воздушность формы, живописность и музыкальность звучания сохраняются в остальных четырех стихотворениях цикла. Специфику им придает фиксация блуждающей идентичности лирической маски: профессия и душа Земнухова спорят друг с другом: задача соблюдения правил формальной роли ученого (я – энтомолог) сталкивается с задачей воспроизведения гармонии звука, образа и рифмы (я – поэт).

Б. Корман утверждал, что лирический сюжет представляет собой «последовательность однородных прямо-оценочных суждений субъекта» [Корман, 1992, с.185]. При наличии героя в лирике неизбежна ситуация ценностной множественности. Но Земнухова назвать полноценным субъектом ценностно-речевой деятельности нельзя, поскольку эта маска сидит неплотно. Как энтомолог он апеллирует к Карлу Линнею, Фабру, Марчелло Мальпиги и к Яну Сваммердаму. Эту составляющую личности передает имитация неумелого стиха: прозаизмы, попытка создания необязательного в лирике сюжета с диалогами, шероховатости рифмы, нарушение смысловой последовательности и сам факт рифмованного описания насекомых в стиле Н.А. Холодковского. С этой же ипостасью «я» в цикле связан мотив работы: *...оставил я занятъя / с древнейшими; давно мой микроскоп / ослеп от паутины; новый опыт / из-за тебя стал старым; Мои пинцеты ржавчина грызет...; увяли / мои сачки...; как ученый я погиб; Моя работа бешено стирала / все, что мешало сбору матерьяла; Моя работа сделала меня / счастливейшим...* [с. 118–119].

Но у Кобенкова между человеком мыслящим и человеком чувствующим нет пропасти. Так, статус натуралиста обусловил появление в энтомологическом цикле таинственной Маргариты. Ассоциативная механика прозрачна: ученый-исследователь – Фауст – Маргарита.

Как поэт Земнухов слагает свои песни бабочкам, цикадам, кузнечикам, беспокоится о создании условий для пеня сверчка, признается в любви Маргарите, но не вполне доверяет себе как поэту.

В стихотворении «Однажды ночью после работы» размежевание между двумя ипостасями «я» достигает апогея: *Пускай спешат поэты, / а ты не торопись* [с. 123]. К разрешению спора приглашен кузнечик, который является эмблемой поэзии у Кобенкова – его «музы с кузнечиком». Вызванный с нарушением

естественного течения времени кузнечик в цикле возвращает натуралиста в ипостась поэта поучительным монологом:

*Чем меньше нас, тем меньше тайн у вас,
А вы без тайны склонны к вымиранью.
Когда сладчайший таинства туман
тебя покинет,
все тебя покинут [с. 124].*

С помощью кузнечика происходит интуитивное озарение истиной: звезда, тьма, женщина – великие тайны, и вмешиваться в них пинцетами, микроскопами катастрофично для мира. Нестандартная метафора *Заусенцы лбов / моих коллег, разбросанных по свету* [с. 125] разоблачает сосредоточенность ученых на задачах расколдовать чудо знанием.

Это стихотворение цикла демонстрирует свойственный анакреонтике отказ от рифмы (у вас / туман) и лексические повторы (меньше / меньше; покинет / покинут), на что указывал Г.А. Гуковский [Гуковский, 2001, с. 118; 142; 147].

Этическая манифестация в этом стихотворении опережает эстетическую, но заканчивается сюжет декларацией любви – той самой, которую воспевают поэты: *я вспомнил про любовь, / зачем-то уподобившись поэтам...* [с. 125].

Следовательно, Земнухов находит себя в ипостаси поэта. И хотя в предисловии заявлено, что, вопреки желанию Константина Ивановича, поэт-публикатор в его записках ничего не правит, подлинная идентичность маски уточняется за пределами личности Земнухова. Во-первых, это проясняется в образном строе цикла. К примеру, кузнечики («Хочу, чтобы меня любила ты...»; «Деревня»; «Послание друзьям»; «В зеленом доме женщина жила...»; «Тонко-тонко пахнет подорожник...»), бабочки («Первые танцы в солдатском клубе») и сверчки («Жизнь моя городская...») давно получили прописку в поэтическом мире поэта Кобенкова (не Земнухова!).

Во-вторых, не оставляет сомнений и поэтика многоточий – безусловный экслибрис синтаксиса Кобенкова. Каждое стихотворение цикла, сборника (как, впрочем, и абсолютное большинство стихотворений в других сборниках) заканчивается этой интонационно-смысловой дорожкой. Многоточия разрежают стихотворения посередине и перетекают даже в названия его сборников: «Строка, уставшая от странствий...» (2003), «Однажды досказать...» (2008). Стихи с этим знаком воспринимаются как фрагмент размышлений, остановленное мгновение протекающей жизни или как подключение к давно начатому разговору. Строка набирает разбег, но лирический сюжет обрывается, и недосказанная мысль перетекает в многоточие. Здесь уместно говорить о складе сознания, которое обнаруживает онтологическую невозможность высказать заключительное, завершающее слово о мире, как и его принципиальную невысказываемость, невыразимость. Хлебников прибегал в этих ситуациях к зауми, символисты использовали символы. У Кобенкова эту роль выполняют многоточия.

Многоточие становится особой формой коммуникации [Поэтика незавершенного, 2019, с. 348]: знак сигнализирует об онтологической неукорененности души, выводит к ситуациям, не знающим типовых решений, к концепции жизни без закреплённых форм и затвердевших истин, активизирует воображение, оформляет элегическую модальность высказывания, направляет ассоциации, углубляет семантическую насыщенность текста:

*... мы много пережили,
мы ссорились, на пальцах ворожили...
Она любила, кажется, меня...
А та – что мне казалось – я любил,
Так и осталась просто Маргаритой –
прекрасной,
мне б хотелось – позабытой,
но не могу... [с. 120].*

В многоточиях приведенного выше отрывка, в частности, заключено воспоминание, предположение, а в последнем многоточии спрессована поэтическая запись переживания неизжитого чувства.

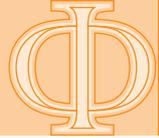
Многоточия в целом обогащают разнообразие отраженных в цикле вариантов художественного времени: дискретное время припоминания и импрессионистское остановленное (пойманное) мгновение обогащаются процессуальным временем: время длится в многоточиях за пределами текста. Словесная живопись с налетом романтизма на «идиллическом безлюдье» [Ревалд, 1959] обнаруживает неотделимость от медитации.

Еще одна особенность синтаксиса проявляется в строении завершающих стихотворения фраз, которые начинаются с союзов и, а, но: «И если б кто разжал плотнейший воздух...»; «И потому сверчок мой не поет...»; «И Дант подумал...».

В-четвертых, поэт вполне классической ориентации пренебрегает геометрией строфы. Его рваная строфика создает ту самую легкость восприятия, которая ценилась древними греками в поэзии.

Наконец, отметим также стяженные формы слов, например, «в здраве» – в составе цикла, «багул» – за его пределами.

Выводы. Таким образом, вопреки артикулированным установкам предисловия к циклу, Земнухов не вытесняет поэта Кобенкова. Квазидневниковость, непроявленная адресованность и имитация спонтанности содержат в себе установку обобщить частные впечатления до целостной картины бытия, что знакомо по другим стихам поэта. Анакреонтика Кобенкова – аорта в кровеносной системе любви к жизни. Образный строй в «Записках натуралиста» передает нежность к хрустальной гармонии мира, страх за возможность его исчезновения. Поэт передвигается на цыпочках, устраивается на краешке, говорит вполголоса, создавая свои символические притчи о тайнах мира в режиме легкого касания... Бесспорно, поэзия эта легкая, воздушная, но вовсе не беззаботная.

Телесная составляющая анакреонтики не акцентирована вовсе, и хотя чувственное не исчезает из поэзии, оно обретает приметы христианского целомудрия.

С психологической точки зрения весь цикл «Записки натуралиста» и другие вкрапления анакреонтики в стихотворениях сборника «Строка, уставшая от странствий...» обеспечивают поэту короткую передышку перед вступлением в завершающую экзистенциальную стадию жизни, меняющую темы мысли, эмоции... Поэт чувствует пределы, и шаги его опыта ощущаются как «шаги боли» («Переауки пса...») [Кобенков, 2008, с. 142]. Лирическое сознание набирается сил для привычного существования в трагическом мире.

Библиографический список

1. Анакреонтическая поэзия // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 23.
2. Гиленсон Б.А. История античной литературы: учеб. пособ. для студ. филол. фак-в пед. вузов: в 2 кн. М.: Флинта: Наука, 2001. Кн. 1: Древняя Греция. 416 с.
3. Гуковский Г.А. Об анакреонтической оде // Г.А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 117–156.
4. История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. 534 с.
5. Кобенков А.И. Строка, уставшая от странствий...: Стихи разных лет. Иркутск: Издатель Сапронов, 2003. 432 с.
6. Кобенков А.И. Однажды досказать...: Последние стихотворения. Иркутск: Издатель Сапронов; Владивосток: Рубеж, 2008. 448 с.
7. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
8. Купер Дж. Цикада // Дж. Купер. Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. Кн. IV. 402 с.
9. Лаппо-Данилевский К. Ю. «Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 384–402.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. Т.2. 846 с.
11. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // О.Э. Мандельштам. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. С. 108–152.
12. Поэтика незавершенного // Феномен незавершенного: монография / под общ. ред. Т.А. Снигиревой и А.В. Подчиненова. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 670 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elarf.uafu.ru/bitstream/10995/66587/1/978-5-7996-2470-5_2019.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

13. Пульхритудова Е.М. Легкая поэзия // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
14. Ревалд Дж. История импрессионизма. М.; Л: Искусство, 1959 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/rewald_istoriya_impressionisma_1959.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
15. Савкина И.Л. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра // Вопросы литературы, 2013. № 1 (январь-февраль) С. 337–354.
16. Шталь И. Анакреонтизм // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
17. West M. L. *Introduction to Greek Metre*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 91 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/west-1987-introduction-to-greek-metre/page/16/mode/2up> (дата обращения: 15.11.2024).

Сведения об авторе

Климова Тамара Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики педагогического института, Иркутский государственный университет; e-mail: klimova-tu@yandex.ru

ANACREONTICS BY A. KOBENKOV

T.Yu. Klimova (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of the article is dictated, firstly, by the need to trace the line of tradition in the perception of ancient ethical and aesthetic values in the mind of the poet of the turn of the 20th – 21st centuries. Secondly, Kobenkov's poetics and the complex system of representation of the author's self-image contradict the reputation of Anacreontics as a 'lightweight' entertaining poetry. Thirdly, A. Kobenkov's poems are recommended for study in regional literature programs, which makes his work in demand for a wide range of readers. And the lack of literary studies of the poetic heritage of A. I. Kobenkov defines the novelty aspect of the proposed publication.

The purpose of the article is to examine the susceptibility of A. Kobenkov's lyrical consciousness to anacreontic hedonism and ancient harmony in general, whereas he gained the reputation of a 'sad' poet; and also, to identify the features of his poetic language.

The material of the article is selected poems from the collection "A Line Tired of Wandering ..." and, in particular, the cycle "Notes of a Naturalist".

Methodology of research. For the analysis of the cycle, the methodology of system analysis proposed by I. Prigozhin and V. I. Tyupoy turned out to be preferable, and in some moments genre, motive and phenomenological approaches to the study of a literary text were emphasized.

A review of the scientific literature on the problem. The theoretical aspects of Anacreontics were considered in the works on the history of ancient literature by G. A. Gukovsky, in the dictionary articles by E. M. Pulkhritudova and I. V. Stahl.

Research results. The analysis of the cycle showed that the poet's hedonism and aestheticism are challenged by a sense of fragility of harmony and brevity of life. Anacreontic motifs provide the poet with a short respite before entering the final existential stage of life, changing the themes of thought and emotion. The lyrical consciousness of the poet in anacreontics is gaining strength for a habitual existence in a tragic world.

Keywords: *Anatoly Kobenkov, Notes of a Naturalist, Anacreontics, harmony, hedonism, light poetry, two-voice.*

References

1. Anacreontic poetry // Literary encyclopedic Dictionary / Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. P.23.
2. Gilenson B.A. History of ancient literature: textbook. help. for students. Philol. Faculty of higher education: in 2 books. Book 1 Ancient Greece. Moscow: Flint: Nauka, 2001. 416 p.
3. Gukovsky G.A. On the anacreontic ode// G. A. Gukovsky. Early works on the history of Russian poetry of the XVIII century / General ed. and the introduction of V.M. Zhivova. Moscow: Languages of Russian culture, 2001. P. 117–156.
4. The History of Greek literature / Edited by S.I. Sobolevsky and others. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946. Vol. 1. 534 p.

5. Kobenkov A.I. A line tired of wandering ...: Poems of different years. Irkutsk: Publisher Sapronov, 2003. 432 p.
6. Kobenkov A.I. One day to finish telling ...: The last poems. Irkutsk: Publisher Sapronov: Vladivostok: Rubezh, 2008. 448 p.
7. Korman B.O. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk: Publishing House of Udm. Unita, 1992. 236 p.
8. Cooper J. Cicada // J. Cooper. Encyclopedia of symbols: Book IV. Moscow: Golden Age, 1995. 402 p.
9. Lappo-Danilevsky K. Yu. “Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in Russian poetry of the XVIII century // Literary fact. 2019. No. 1 (11). P. 384–402.
10. Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2000. Vol. 2. 846 p.
11. Mandelstam O.E. Conversation about Dante // O.E. Mandelstam. Slovo i kultura. Moscow: Sovetsky pisatel, 1987. P. 108–152.
12. The poetics of the unfinished // The phenomenon of the unfinished: monograph / Under the general Editorship of T.A. Snigireva and A.V. Podobenova. 2nd ed., ispr. and add. Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita, 2019. 670 p. [Electronic resource]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66587/1/978-5-7996-2470-5_2019.pdf (date of reference: 04/20/2023).
13. Pulkhritudova E.M. Light poetry // Literary encyclopedic Dictionary / Under the general editorship of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaeva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 752 p.
14. Revald J. The History of Impressionism. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1959 [Electronic resource]. URL: https://imwerden.de/pdf/rewald_istoriya_impressionisma_1959.pdf (access date: 04.20.2023).
15. Savkina I.L. Notes as a “depersonalized diary”: the documentary and artistic potential of the genre // Questions of Literature. 2013. No. 1 (Jan.-Feb.). P. 337–354.
16. Stahl I. Anacreontism // Dictionary of Literary Terms / Ed.-comp. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. Moscow: Enlightenment, 1974. 509 p.
17. West M.L. Introduction to Greek Meter. Oxford: Clarendon Press, 1987. 91 p. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/west-1987-introduction-to-greek-metre/page/16/mode/2up> (access date: 11.15.2024).

About the author

Klimova, Tamara Yu. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: klimova-tu@yandex.ru